

О мерте,
о любви,
о судьбе

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ВЕРЫ КОЛОЧКОВОЙ

СЛЕЗА ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МАДОННА
ЗНАК НЕФЕРТИТИ
ДОМ ДЛЯ ОДИССЕЯ
БЛАГОСЛОВЕНИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА
ПАРАДОКС ГРЕТХЕН
КЛЮЧИ ОТ ЯЩИКА ПАНДОРЫ
ПАРТИЯ ДЛЯ ЛОВЕЛАСА
ОБИТЕЛЬ СИНЕЙ БОРОДЫ
СИНДЕРЕЛЛА БЕЗ ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКИ
ТВОЯ ЖЕНА ПЕНЕЛОПА
КОВАРСТВО, ИЛИ ТАЙНА ДОМА С МЕЗОНИНОМ
СЛЕПЫЕ ПО БРЕЙГЕЛЮ
ТРЕТИЙ РЕБЕНОК ДЖЕЙН ЭЙР
ПРАВИЛО ПАРАЦЕЛЬСА, ИЛИ ТРИЛОГИЯ ДЛЯ СВЕКРОВИ
ИЗ ЖИЗНИ МЭРРИ, В ДЕВИЧЕСТВЕ ПОППИНС
ДЕТИ АФРОДИТЫ

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ИСПОВЕДЬ СВЕКРОВИ,
или Урок Парацельса

роман

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.

К61 Исповедь свекрови, или Урок Парацельса : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-699-82640-7

Сложно быть матерью взрослого сына. Сложно быть хорошей для всех его жен и подруг — принимать их без строгой оценки, не мешать и одновременно помогать по мере сил. И вообще, нелегко быть идеальной свекровью. Да и просто свекровью... Нужно уметь сохранять баланс, чтобы не переборщить ни с заботой, ни с помощью любимому чаду, ни с умными советами. Ведь не даром говорят, глупая свекровь теряет сына, а умная — обретает дочь. С этой мыслью и живет Александра, стараясь с уважением относиться к выбору своего Лёвы — не вредить ни ему, ни его женщинам, ни себе.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-82640-7

Мы все когда-то начинаем лгать,
Но сколько бы в грядущем
и прошедшем
Мы с вами ни обманывали
женщин,
Есть первая обманутая — мать.

Евгений Евтушенко

Глава I АРИНА

Электричка резво летела через апрельский полдень, словно радуясь весне. Летим, летим! Расступись, апрель! Стучим колесами, старым железом скребем-играем у пассажиров на нервах! Нет, и впрямь... Куда летим-то? Над лесами, над полями? Даже в окно толком не поглядеть — солнце по глазам бьет... Не в глаза, а именно по глазам, сбоку, наотмашь.

Надо было темные очки с собой прихватить. Сама виновата, не догадалась. Теперь сиди, щурься на солнечную назойливость, усугубляй и без того усугубленные возрастом «гусиные лапки». Бессовестное ты, апрельское солнце, вот что я тебе скажу. Думаешь, все тебе так рады? Ага... Счастливы прям. Особенно в этой переполненной народом дачно-субботней электричке.

Нет, с одной стороны, хорошо, конечно, что весна случилась ранняя и солнечная. Еще и май-

ских праздников не было, а уже первые листочки на деревьях вылупились. Нежная зеленая дымка, едва уловимая, как обещание, как надежда... Красиво, кто бы спорил, но солнце куда спрятать! Расплясалось яркими снопами по вагону. А в снопах пыль — серая, зимняя. Много, много пыли. И мысли в голове тоже пыльные. И все еще зимние. Вялые, раздраженные, авитаминозные.

А с чего им веселыми-то быть, интересно? Если живешь в голоде, холоде да в работе-заботе, и никаких тебе радостей... Только одна радость и выдалась — к Прокоповичам на дачу съездить. Подышать. Отдохнуть. Выспаться. Согреться, наконец.

Хотя, если озвучить ее мысленные стенания, смешно звучит, наверное! Особенно про голод и холод! Ну да, этот самый голод она сама себе и придумала, следуя многолетней привычке, как всякая уважающая себя женщина... Строгая весенняя диета называется. Ничего нельзя. Ни жирного, ни мучного, ни сладкого. Ничего. Понятно, что для организма сплошное вредительство, но похудеть-то к лету все равно хочется! Влезть в любимые белые брючки, рубашечки-маечки, еще трепыхнуть крылышками напоследок... И не беда, что этот «напоследок» из года в год перескакивает, как переходящее красное знамя. Всегда же думается, что именно этот «напоследок» — самый что ни на есть критический. Не в том смысле, что помирать пора, а

в том, что круглая пенсионная дата аккурат этой зимой и наступила, черт бы ее побрал... А дальше...

А дальше — не будем о грустном. Тогда о чем бишь она? А, о голоде и холоде. Да, голод сама придумала, потому не обидно. Но относительно холода — это уж извините, господа хорошие, подвиньтесь! Это уже из ряда вон какое коммунальное безобразие! Нет, кому в голову пришло, интересно, чтобы отопление с приходом первых солнечных дней отключать? Они ж только с виду — солнечные! А на ощупь — ой какие обманчиво холодные! И неуютные! И со столбами зимней пыли внутри. Вот и получается, что на фоне голодно-холодного неуютия ничего и не складывается. Ни жизни нормальной, ни работы-заботы. Более того, про всякую работу-заботу даже и думать не хочется! А думать надо, иначе вытолкнут на пенсию, только перья полетят...

А может, бог с ним, и с работой, и с перьями? Нароботалась уже? Много ли ей одной надо? Тем более у сына своя семья, свои заработки... Устала, хватит. Чего-чего, а такого добра, как работа-забота, всегда в ее жизни хватало, ни разу ни с одной синекурой не повезло. А что делать — она тетка ответственная. Родом из уходящей гвардии чиновниц-отличниц, которые лучше борщом для семьи поступятся, чем сданным не вовремя квартальным отчетом.

А голодный желудок так и вымаливает для себя хоть что-нибудь. Не удовлетворила его тер-

тая морковка на завтрак. Где-то в недрах сумки маленькая шоколадка, помнится, болталась... Поискать, что ли? Тем более еще добрых сорок минут в электричке трястись.

Ага, нашлась шоколадка. Радуйтесь, жалкие дутые зернышки, политые коричневой химической патокой, что называю вас таким гордым именем. Хм, шоколадка... А ничего, вкусно с голодухи... Червячка заморить можно. Все как в рекламе. Как там? Съел — и порядок. Заряди мозги. Уступи соблазну, поцелуй меня в пачку. Молоко вдвойне вкусней, если это... Нет, это уже из другой оперы, кажется.

Пока жевала, вспоминала недавний разговор с Катькой Прокопович. Аккурат про весеннее похудание тема была. Злободневно веселая. Любят они с Катькой повеселиться, этого у них не отнимешь.

— Сашк... Ну чего ты опять с собой творишь? Зачем тебе худеть в твоём возрасте?

— А мне в худом виде жить легче, Кать. Сподручнее как-то. Когда ветер по ребрам гуляет, я изнутри музыку слышу.

— Ну, не знаю, как там насчет музыки... А по моему, это несколько неприлично — встречать пенсию в худобе. Я бы сказала — вызывающе.

— В смысле — вызывающе? Для кого — вызывающе?

— Для общества. Некоторые и к тридцати такой стройности не имеют, а ты перешагнула за

полтинник и обнаглела совсем. Совесть надо иметь, Сань.

— Прости, Кать. Прости ты меня, дуру глупую. Капустки квашеной хочш? Почему не хочш?

— Да ладно, не придуривайся, все равно гениальную Чурикову не переиграешь. А если серьезно, Сань... Не понимаю я, зачем себя так мучить? А главное — для кого?

— Для себя, Кать, для себя. Объясняю же. Мне так жить легче. Одиночество лишних килограммов не любит. Для него это дополнительный стресс. А музыку одиночество любит. Вот я сама себя и танцую — под музыку худобы.

— Ага, ага... Но все равно, знаешь... Как-то в нашем возрасте... Худая корова — еще не газель. Вернее, уже не газель. Я вот, например, предпочитаю усредненное состояние.

— Это какое же?

— Ну... Лучше уж быть слегка полноватой газелью, чем худой старой коровенкой.

— Значит, я, по-твоему, худая старая коровенка?

— Нет, не старая... Врать не буду, выглядишь хорошо. Но худая!

— Но коровенка?

— Коровенка!

— А ты, значит, газель?

— А я газель!

— Уточним, толстая газель!

— Не толстая, а слегка полноватая!

— Ладно, на этом давай и сойдемся... Я коровенка, а ты газель. Только слегка полноватая.

Хм... А ты вообще видела когда-нибудь полнова-
тую газель? Я, например, не видела.

— Да уж, Сань. Любишь ты утешить, однако.

— И ты...

Хорошо с ней, с Катькой. И на даче у них, у
Прокоповичей, тоже хорошо. Коля, Катькин
муж, с утра печь истопил, наверное. В доме теп-
ло, уютно. Или баньку... Он всегда к ее приезду
баньку топит. Хороший Коля. Замечательный
Коля, Катькин муж. Скорей бы уже приехать!

Расслабилась, доверчиво повернулась к окну.
Да что ж такое, опять солнце резануло наотмашь!
До слез! Какие ж вы назойливые, солнечные ве-
сенние радости! Вон, выбирайте для нахальства
молодые лица, на них и пляшите! А ей — зачем...
Чтобы из глаз лишнюю слезинку выколотить?
И без нее, без лишней слезинки понятно, что
жизнь уходит...

Опять! Нет, нет, не надо в грустное уплывать.
Ну уходит жизнь, и что? У всех по большому сче-
ту уходит. Да вон, полный вагон таких, как она,
если в лица взглядеться. Все тетки после пятиде-
сяти, ни одного молодого лица нет. Кого из мо-
лодых загонишь в субботу на дачу, грядки копать?
Нет, молодые в воскресенье на дачи подтянутся,
к обеду, на уик-энды с шашлыками. А в субботу —
одни тетки с грустными лицами, с прищуром на
солнце. Вон та, например, что наискосок сидит.
Явная озверелая дачница. Так бережно прижима-
ет котомку с рассадой к пухлому животу, будто из

той рассады молодильные яблоки вырастут. Или золотые монеты, как в сказке про Буратино.

Или вон та... Хотя и налегке едет, но тоже видно, что дачница, только ленивая. Наверняка на своем участке один худосочный газончик организовала и радуется, и думает про себя — видали мы ваши плебейские грядки с морковкой! Мы ж не такие, мы желаем свежий воздух к интеллигентской лени присовокупить, чтобы как в старые добрые времена...

Да, тетки разные. Но взгляд в окно у всех одинаковый, задумчиво пронзительный, направленный внутрь себя, в накопленную и грустно не востребованную мудрость прожитых женских лет. Взгляд одиночества, в общем. Да, да, именно одиночества. Не обязательно реально имеющегося, скорее внутренне фатально сложившегося. Потому что каждый приходит к старости под руку с одиночеством. А что делать? Так положено. Человек рождается в одиночестве и умирает в одиночестве. А пляски акушерок в роддоме и плачущих родственников у одра — это всего лишь зрительный зал, отделенный от самого процесса светом рампы.

Фу ты, да что такое? Почему ее сегодня на грустное тянет? Хотя почему же грустное? Отнюдь не грустное. Философское, скорее. Если еще раз пробежать взглядом по женским лицам... Все, все по сути одинаковые. На всех читается калька-судьба, безмятежно-счастливых нет и в

помине. Одиночество, проблемы с выросшими детьми, безденежье-безмужье... Да и «мужье» тоже выражение лица не шибко меняет. Некоторые тетки, бывает, очень любят обряжать свое одиночество в одежды счастливого замужества, да только получается еще жальче. Потому что природу не обманешь. Потому что старость — это честный союз с одиночеством. Чем выше годами к небу, тем больше сужается круг..

Хотя вдвоем идти к духовному одиночеству все же легче, кто спорит. Даже в физическом смысле не так страшно — это относительно пресловутого стакана воды. От детей-то водички фиг дожدهшься, чего уж... Да, вдвоем легче, но не всякому такое счастье удастся. Вернее, не всякой. Потому что тетки дольше живут. Тянут свое одиночество годами, как воз... Кому легче, кому тяжелее. Исходя из той вариации, как это одиночество в свое время образовалось. Например, вдовы. У них лица, как правило, исполнены величайшим достоинством, чуть надменные, гордо-скорбные. А у тех, которым стать вдовами не повезло (прости, господи, за кощунство!), которые обыкновенные брошенки, те несут свои постаревшие лица немного стыдливо, немного с заискиванием, с припыленностью-примятостью, как забытое старое пальто на антресолях... Взять хотя бы вон ту тетку, пристроившую в ногах огромный рюкзак. Сидит, улыбается. Зачем улыбается, кому? На всякий случай, в пространство, вдруг пригодится? Извините, что я тут с вами в одной

электричке еду? Да уж... Хотя, по сути, это всего лишь оттенки...

Хм. Оттенки. Вспомнила и сразу заулыбалась невольно. Слово-то какое нынче модно-громкое стало. Раньше было просто слово, а теперь его и в мыслях произнести опасаясь. Да уж, было дело, нарвалась на эти «оттенки», прихватила ненароком у невестки Арины книжицу почитать в дорогу... Думала, детектив. Или обыкновенный бульварный романчик. Арина ж ее не предупредила, усмехнулась только. От нее, от Арины, лишнего словца не дождешься. Бука, она и есть бука, все молчком да с недовольным лицом... Вот и про книжицу — ни полслова. Только головой мотнула — ага, мол, возьмите, почитайте в дороге, дорогая свекровь Александра Борисовна... Ну, она и открыла книжицу в автобусе, как порядочная. Еще подумала — чего это на нее женщина, сидящая напротив, так пристально смотрит? И усмехается нагло?

Хотя, если честно, ничего такого в этой книжке нет. Не Фицджеральд и не Брэдбери, и даже, как говорится, рядом не стояло. Тоже, развели ажиотаж. Ну, выпался черт на главном герое, и что? Мало на ком он высыпается нынче? Кто бы мог подумать, что фантазии американской домохозяйки у нас такой фурор вызовут? А Катька Прокопович так вообще правильно про эти «оттенки» выразилась — это, говорит, не фурор, а сказка про голого короля! Один прочитал, глаза закатил и помотал головой с придыханием.

Потом второму прочитать захотелось, и тоже глаза со смыслом закатил. А третий думает — может, и мне так надо, что ж я буду, как идиот, совсем не в тренде? Надо тоже глаза закатывать и головой мотать... С тех пор и покатилося, и покатилося. Закатывают и мотают, мотают и закатывают... И все в тренде числятся, и всем хорошо, и все модные-грамотные.

Тетка с рюкзаком вдруг тревожно повела плечами, глянула на нее вопросительно. Пришлось отвернуть голову к окну — и впрямь, неловко получилось, зачем-то застыла на ней взглядом. Интересно, а у нее самой какой взгляд? Наверное, классический вдовий... Который с достоинством...

Да, конечно. Гриша, если бы жив был, никогда бы ее не бросил. Не предал бы. Не смог бы ей организовать эту обиженную неприкаянность на старости лет. Гриша, Гриша... Восемь лет как тебя нет, а вспомнишь, и сердце болеть начинает. Ушел и даже не узнал, что внука в честь тебя назвали... Долго имя выбирали, пока Леве эта мысль в голову не пришла — так в честь папы же надо! Молодец, сынок. Спасибо тебе, Левушка. Уважил.

Помнится, они с Гришей тоже долго для сына имечко подбирали. Хотелось чего-то необыкновенного, нежно-душевного и воркующего, потому как долгожданный был сыночек, по женским больницам выстраданный, в трех монастырях

вымоленный. Кучу вариантов перебрали, чуть не поссорились. Потом Гриша вдруг предложил — а давай сермяжно, по гороскопу! Он же в июле родился, значит, Лев! Пусть будет Лев, а, Саш? По крайней мере, со смыслом — всегда отгрызется от нападающих. Она сначала взвилась — грубо, мол! А потом подумала и согласилась. А что, неплохо звучит. Лев, Лева, Левка, Левушка...

Так и жили, так и воспитывали. Ты — Лев, помни об этом. Лучший кусочек — тебе. Любви отцовской-материнской — тоже навалом, хоть объешься. Видать, на пользу пошло. Вырос на чистом сливочном масле царь зверей, красавец блондин, мамин и папин сын... В школе учился — от девчонок отбою не было, хоть двустволку в окно выставляй да отстреливайся. А в институт поступил — и попался на втором курсе в цепкие Ариныны лапки. Залетела. А что делать? Пришлось свадьбу играть. Правда, это уже без Гриши было... И квартиру молодым пришлось покупать тоже без Гриши, все сбережения отдавать, в долги влезать. Арине, видите ли, сразу не захотелось жить со свекровью. Ой, если вспомнить...

Подумала об Арине, и снова заныло сердце. Что-то оно в последнее время часто ныть принимается. Не к добру. Хорошо, что приехали уже... Вон, в репродуктор объявили — станция «Боровки»! Какое веселое название — «Боровки»! Классически дачное!